

Викторьян Дю Сосса

ДНЕВНИК КУШЕТКИ

Викторьен Соссэ
Дневник кушетки

«Седьмая книга»

Соссэ В. Д.

Дневник кушетки / В. Д. Соссэ — «Седьмая книга»,

Париж, эпоха арт-нуво, эпоха декаданса, эпоха болезненного гламура, вседозволенности и разгула чувственного имморализма. Безусловным королем эпохи романтики распущенности был Викторьен Дю Соссэ – автор целого пакета скандальных бестселлеров, неустанно запрещающихся европейской цензурой и так же неустанно переиздаваемых и сметаемых на корню прямо из типографий, еще до того, как полиция успевала наложить арест на очередной тираж фривольно-изысканного чтива. Уже сами названия болезненно интриговали публику – «Атласная кожа», «Морфинистка», «Школа разврата», «Извращенная», «Торговля женщинами» и все в таком же духе. Эпоха раскрепощения жадно глотала бесконечные тиражи чувственной прозы Соссэ, а сами романы просто взрывали плотью пуританизм Запада и возвещали скорую сексуальную революцию.

© Соссэ В. Д.

© Седьмая книга

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Викторьен Соссэ

Дневник кушетки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Берусь за публикацию своего дневника, побуждаемая не чувством голода, как это делают старая кокотка, генерал в отставке, либо бывший министр империи; к числу подобных лиц я не принадлежу. Я всего лишь обыкновенная мебель. Не могу похвастаться своим происхождением, но, подобно любому солдату Бонапарта, носившему маршальский жезл в своем патронташе, я могла бы услугою государству снискать свой «жезл славы» и признательность потомства. Я, кушетка, принимала участие в таком количестве состязаний, что никакая другая не осмелилась бы сравнить свои похождения с моими. Однако же ничто, казалось, не предreshало при моем рождении той роли, которую мне предстояло сыграть: ни одна гадалщица не открыла линий счастья ни в стежках вышитой обивки, ни в моем еловом остоле, ни в принадлежащих мне медных пружинах. В то же время нельзя сказать, чтобы я была настолько же счастлива, насколько прекрасна.

Мои воспоминания живы, несмотря на преклонные лета. Я родилась в один прекрасный день совершенно случайно в мастерской одного из магазинов, расположенных на площади Пигаль. Отец мой был рабочий, потративший на меня три дня; матери же я никогда и не знала. Тотчас же виновник моего появления на свет препроводил меня в магазин. Осмотрев, меня приняли, поместили в просторную комнату с неприятным ароматом и поставили рядом с другими сестрами, которые, подобно мне, были простыми заурядными кушетками. Расставленные таким образом, мы все походили на маленьких бедненьких покинутых девушек.

Я пробыла там несколько месяцев. Ежедневно являлась публика для того, чтобы осмотреть каждого из нас. Уменьшалась ли от этого наша рать? Почти тотчас же свободные места замещались другими кушетками, подобными мне и другим: говорили, что они ждали своей очереди за дверью.

Сначала я думала, что удаление происходит потому, что мы должны выдержать испытание в течение определенного срока, прежде чем переместиться в другое место; но впоследствии я убедилась, что дело не в этом: исчезали некоторые из товаров, прибывшие значительно позже меня. Я даже оказалась самой старшей в магазине.

Покрытая пылью, заброшенная в угол, я стала размышлять о своей старости. Конечно, во мне не было больше блеска, пышности, свежести первого дня. На спинке, которая служила лицевой стороной, красовался ярлык с пометкой о моих качествах и цене. Когда являлась дама, меня расхваливали, но дама обыкновенно проходила мимо, снисходительно останавливаясь на одной из моих соседок, а через несколько минут последняя увозилась, я же, постоянно оставалась на одном и том же месте, в своем углу, в отвратительном расположении духа. Поразительно, как может с течением времени измениться характер!

Однажды, наконец, произошло то самое знаменательное событие, которое изменило мое дальнейшее существование.

Один, дотоле неизвестный мне субъект явился в зал; двое служащих, живших с нами, бросились со всех ног ему навстречу.

– Ну что же! – воскликнул незнакомец. – Где же «волк»?

При этих словах я затрепетала: волков ведь боятся во всяком возрасте. Но каков был мой ужас, когда двое служащих без колебаний протянули правые руки в мою сторону! Нечего было больше: я и была этот «волк».

Незнакомец окинул меня взглядом, который подтверждал мое предположение, сорвал ярлык и сказал:

– Она очень хороша... Для того, чтобы сбить ее с рук, следует выколотить и вычистить щеткой. Да, и перемените ярлык, вместо ста десяти франков наклейте на сто сорок. Я вам даю сроку сорок восемь часов, чтобы развязаться с этим «волком».

Он уехал.

Служащие, вероятно, из жалости ко мне или же, пожалуй, к себе, не вычистили и не выколотили меня, но в указанном месте прикололи ярлык с моей новой ценой. Вот так, составившись под пылью, я повысилась в цене. Но я, старая дура, поняла это лишь так поздно.

Вскоре явилась элегантная дама среднего роста, красивая, надушенная, обладательница ласкающих карих глаз; голос ее был сдержан, но звучал авторитетно:

– Соблаговолите показать ваши кушетки!

– С удовольствием, сударыня, – сказал служащий, – у нас, действительно, имеется богатый выбор кушеток.

А, эта фраза мне знакома. В течение нескольких месяцев я много раз ее слышала; и произносится она всегда одним и тем же тоном, совершенно бездоказательно.

– В какую цену? – спросил он.

– О! Я плохо осведомлена о ценах, – ответила она.

– Мне нужно что-либо основательное, комфортабельное, и в то же время не дорогое.

– Вы должны посмотреть, – возразил служащий, – этого товару у нас идет много. Соблаговолите подойти, сударыня!

Разговор велся при мне. Признаюсь, что волновалась я ужасно. О, Боже! Неужели меня выберут? Я этого желала всей душой! Когда посетительница села на меня, я постаралась, конечно, передать рессорам всю нежность и гибкость, которыми была полна моя душа.

Она встала, наклонилась к моему ярлыку и заметила:

– Сто сорок.

– О, сударыня, это прямо даром! – воскликнул приказчик. – Эта мебель прочная, за нее можно поручиться.

Потом, повернувшись в сторону тех, которые были возле меня, он дерзнул без малейшего колебания в голосе произнести ту же ложь:

– А вот другие – эти в 110 франков, но я не осмелился бы предложить их вам и гарантировать их прочность.

Хорошенькая дамочка осмотрелась, сделала гримаску, и снова взор ее остановился на мне. Как я благословляла эти прекрасные карие глаза!

– Впрочем, – сказала она, – сто сорок франков... Если она прочна...

– Я ручаюсь за ее качество, сударыня; лучшего не бывает в этом жанре и по этой цене; и, как вам известно, мы никогда не обманываем своих клиентов.

– Я люблю сочетание красок различных оттенков, – прибавила дама.

– О, сударыня, здесь такое разнообразие цветов, которого вы нигде не найдете. Мы сами делаем обивку, и эти перемежающиеся цвета – одна из тайн нашего производства. Я вам даже скажу, что в этой гораздо больше вкуса, чем в той. Та несколько бьет в глаза.

Он указал на мою рыжую невзрачную соседку.

– Я думаю, она ужасна! – воскликнула дама.

– Не правда ли, сударыня? – поторопился заискивающе сказать другой приказчик.

– Можете ли вы доставить ее сегодня же? – спросила дама.

– В Париж?

– Да.

– Конечно, сударыня. Вы оставите адрес в кассе, а я позабочусь о немедленной отправке. Если подвода подрядчика уже уехала, я поспешу отправить специально заказанную.

И они отправились к кассе.

Дело было решено. Меня должны были убраться.

Через десять минут меня завернули в серую бумагу, перевязали бечевкой и так скоро вынесли, что у меня не было даже времени распрощаться со своими товарками и с магазином,

где я провела первые месяцы жизни... Меня взвалили на телегу. Телега покатила, и я вскоре оказалась на месте назначения.

– На первый этаж, – сказала жена швейцара, к которой обратился возница, – на второй площадке.

Меня понесли, едва ли не с благоговением, возница и швейцар по узкой, темной, выкрашенной в серый цвет лестнице. У двери швейцар позвонил. К моему изумлению, появилась не та дама, которая приходила, чтобы меня приобрести. О, ужас! Это был мужчина.

Меня внесли. Я миновала переднюю, маленький зал, столовую и была поставлена в спальню, где мне суждено было пробыть впоследствии так долго, и, признаюсь, не проскучав ни единого дня.

Но прежде, чем дать вам возможность понять, насколько я могла быть счастлива в такой обстановке, я должна покончить с описанием, которое будет состоять, таким образом, из трех частей: необходимо сказать как о моем новом хозяине, так и том месте, которое отныне стало для меня, как говорят, «домом». Хозяин квартиры не оказал мне достаточно радушного приема; он окинул меня сверху донизу недовольным взглядом, напрасно стараясь отыскать во мне что-либо изящное, скорчил гримасу, и я услышала процеженный сквозь зубы несправедливый упрек: «Фу!...»

Вот и все.

Он меня оставил в углу, и я не видела его в течение почти всего вечера, но зато мне представился случай осмотреться вокруг. Опечаленная, меланхоличная, готовая заплакать, я вступила в сношение с различными предметами, расположенными в спальне, в которой мне суждено было провести такие интересные минуты, о которых любая кушетка может только мечтать.

После внимательного осмотра всех предметов я, признаюсь, вновь почувствовала как рождается самоуверенность и невольно подумала про себя: «Может быть, я и не очень хороша, я это знаю, так как была «волком» в магазине, но в общем, я думаю, вокруг меня такая же публика».

Я ухмыльнулась при этой мысли и поздравила сама себя с тонким развитым вкусом.

– Мы должно быть все одного поля ягоды, – произнесла я совершенно тихо.

Как бы предугадав свои будущие обязанности, я остановила свой взор на кровати. Я, вероятно, должна быть для нее страшной соперницей. Так впоследствии и оказалось. При удобном случае я поведаю о наших бесполезных столкновениях, теперь же мне не хочется об этом распространяться.

Маленький стул, набитый шерстью, гордо расположился в середине комнаты и, приняв вид часового, готового во всякий момент с остервенением на меня наброситься, буркнул по моему адресу:

– Э! Пожалуйте... кушетка!

Я обошла молчанием его обращение.

Рядом с ним стояло широкое кресло, гордое своей бесполезностью. Оно, казалось, думало, осматривая кровать, маленькое кресло и меня: «Я не из таковских!»

Эта спесь мне была более несимпатична, чем дерзость маленького стула, так как тот по крайней мере назвал меня по имени. Поэтому я обратилась к гравюрам и портретам, развешанным там и сям. Это были рисунки не весьма приличного свойства: полуодетые дамы на них целовались с такой страстностью, какую только можно передать на бумаге; здесь изображалась ласка такая сладострастная, что у меня от нее невольно пробежала дрожь по телу.

Но как описать мою радость, когда я заметила среди множества рам портрет, да, портрет молодой женщины с большими карими глазами, явившейся положить конец моему утомительному ожиданию, в котором я пребывала так долго в этом ненавистном магазине. Это была она, улыбающаяся, элегантная и нежная! С какой любовью я ее рассматривала! Ее прелестные

глаза, казалось, были устремлены на меня, как будто она желала сказать, что я являюсь для нее желанной.

Итак, я не буду совершенно одинокой в моем новом жилище; я там тотчас же нашла себе друга.

С наступлением ночи мои мечты и размышления были прерваны шумом от поворота ключа в отдаленном замке; послышались тяжелые, уверенные шаги; явился действительный владелец квартиры и мой хозяин.

Меня бросило в дрожь. Зачем он пришел? Что он тут будет делать? О чем он будет говорить?

Я его осмотрела с большим вниманием. Мне больше всего хотелось ему понравиться, но пленить людей нельзя до тех пор, пока их не узнаешь. К сожалению, у меня не было времени изучить своего нового хозяина, так как раздавшийся стук заставил его стремительно броситься к двери, чтобы принять посетителя. Впрочем, это была посетительница. Я тотчас же подумала о маленькой даме с карими глазами. Очевидно, это должна была бы быть именно она. Ведь она сказала, выбирая меня: «Я надеюсь, что эта кушетка будет доставлена сегодня же вечером».

Признаюсь, я была очень рада. Я уже любила ее от всей души и была ей крайне признательна. Она, она-то меня не презирала! Я уже привыкла к ее голосу и могла бы узнать его, если бы не говорили так тихо.

Мой хозяин говорил очень много, вероятно, желая скорее успокоить вошедшую.

Несколько мгновений спустя в комнату вошла совершенно незнакомая мне брюнетка. Ее манеры изобличали в ней постороннюю.

Я нахмурилась в своем углу, притихла, насколько это возможно для кушетки, и, сдерживая биение сердца, старалась оставаться незамеченной. Я как бы предчувствовала, что могу стать, против своего желания, соучастницей мерзкого поступка, может, даже предательства.

Увы, мои предчувствия оправдались! Очень скоро, несмотря на всю мою девичью невинность, я поняла многое, тем более что события следовали с головокружительной быстротой.

Это была милая, симпатичная борьба. В таких случаях мой хозяин бывал бесподобен. Что сказать? Его манера действовать хотя несколько и удивила меня, но все же пришлась по вкусу.

Первое, что я услышала – это звук поцелуев, вернее, поцелуя моего хозяина, так как гостя сначала очень неохотно отвечала на его ласки. Его голос, показавшийся мне вначале грубым и злым, становился все мягче и искреннее. Мне, никогда не бывавшей в театре, казалось, что артисты должны говорить именно так.

Высокая молодая брюнетка не могла отвечать на длинные монологи моего хозяина: он ей постоянно зажимал рот поцелуями.

Вдруг, как бы по мановению волшебной палочки, шляпа прекрасной дамы очутилась на кровати, а сама она испустила легкий крик, выражавший скорее испуг, чем изумление.

Но положение тотчас изменилось. От поцелуев мой хозяин очень скоро перешел к объятиям. Он обхватил ее так сильно, что вырваться было совершенно невозможно. Заведя ей руки за спину, он бросил ее на меня. Я слышала поцелуи, которые мало-помалу перешли в тихий и нежный шепот. Впервые в своей жизни я присутствовала при первых победах расцветающей любви, хотя это, возможно, была только игра в любовь.

Без сомнения, я родилась кушеткой в высшей степени даровитой, поскольку так тонко и хорошо сумела разобраться в деталях той истории, которая разыгралась при моем благосклонном участии. Разговаривали они недолго. После последних поцелуев, затихших с последним легким шелестом уже смятого платья, воцарилась тишина.

Ясно, главное свершилось; но я, признаться, плохо поняла, что именно.

В обществе двух опьяненных существ, свершивших бесспорно греховное деяние, я ощущала всю наготу их чувств, и мои нервы, доселе спокойные, трепетали как маленькие свежераспустившиеся листочки молодого дерева при дуновении весеннего ветра.

Незаметно для самой себя я начинала смешивать их желания со своими. Они уже не были наедине: нас было трое.

Несмотря на мой стыд и наивность, невзирая на мою молодость и неопытность, я чувствовала себя вовлеченной ими в круговорот сладострастия; я хотела одновременно с ними достигнуть неизвестной мне цели, сулившей, казалось, столько неги, столько удовольствия!

События приближались к какому-то неиспытанному безумному моменту; все, что только способно в человеке выразить радость – все это запело, и песня поистине была восхитительна: прощение, крик скорби, мучительный призыв, торжественные возгласы; это было наслаждение во всю ширь со всеми неизбежными тревожностями.

С этого момента, помнится мне, я уже плохо разбиралась в том, что происходило. Я ужасно смутилась и сконфузилась. Это был дурман; но я была всего лишь кушеткой, опьяненной мучительным наслаждением, которое наложило неизгладимый отпечаток на мою сладострастную натуру. Это было моим крещением. Доныне я как бы не существовала; у меня не было ни мнений, ни верований. «Крестины» же меня возродили и посветили; я походила на весталку, онемевшую от сильных ощущений; не проявляя всей страстности моих чувств, я достаточно отведала тайн той неуловимой души, которая всегда скрывается в «мебели любви».

Чем закончилось это первое приключение, я до сих пор не знаю. Но ведь и пожилые женщины помнят не лучше и не больше меня о своих первых похождениях! Да послужит хоть это мне оправданием, – все мемуары имеют свои слабые стороны.

Несколько времени спустя высокая брюнетка взяла свою шляпу, отделанную черными перьями; мой хозяин подобрал вокруг ее головки фиолетового цвета вуаль: они быстро распрощались, казалось, немного смущенные, и прелестная дама покинула комнату.

Я насторожилась, стараясь узнать – во мне разгорелось любопытство, – назначила ли она ему в ближайшем свидание. Я услышала вполне внятно следующие слова:

– Я не знаю, сумею ли я на этой неделе... Мой муж ведь предоставляет мне так мало свободы!

Мой хозяин ответил:

– Все мое счастье в ваших руках. Я не предлагаю вам посвятить вашего мужа в нашу дружбу; не будем примешивать к нашему завтрашнему веселью так много комизма.

Сдержанный смех донесся до моего слуха и дверь захлопнулась. Все кончилось.

Глава вторая

Мое первое приключение повлекло за собою последствия, которые могут с первого взгляда показаться маловажными; для меня же они имели огромное значение. Впрочем, это легко будет понять.

Вернувшись в комнату, мой хозяин осмотрел меня с большим вниманием. Скрестив руки, нахмутив брови, он оглядел меня с ног до головы, как будто раздумывая: как быть?

Наконец, казалось, было принято определенное решение: он прошел в соседнюю комнату; я слышала, как там передвигались громоздкие вещи; несколько минут спустя он вернулся ко мне, неся в одной руке молоток, а в другой клещи.

Без всяких церемоний он опрокинул меня на бок и, ухватившись за верхние ножки, покатил на колесиках. Потом поставил меня на четыре ноги и оглядел довольным взглядом: непродолжительная операция была окончена.

С этого времени я являюсь специально приспособленной кушеткой; когда я хожу, я прихрамываю, потому что мои передние ножки короче моих задних. Впоследствии я догадалась, зачем это меня так изувечили; действительно, вид у меня был жалкий: одна часть стала ниже другой, так что если на мне растянуться, то вполне можно обойтись без подушки.

Мы должны предположить, что я была усовершенствованной кушеткой, потому что в течение многих лет, полных столь незабвенными прелестными вечерами и сумерками, я слышала, как прекраснейшие в мире уста с такой похвалой отзывались обо мне:

– Она восхитительна, эта кушетка!

Будучи таким образом преобразована, я вполне искренно, в продолжение нескольких часов жаждала с затаенным душевным беспокойством визита прелестной дамы с карими глазами, чтобы ей по-своему изъяснить признательность за то, что она меня убрала из магазина, этого настоящего чистилища.

Она опять была надушена вербеной. С каким волнением я на нее смотрела, когда она, не сопротивляясь, отдавалась в объятия моего хозяина! Ее шелковистые волосы придавали ее глазам нежный блеск, который видишь только в глазах влюбленных. Над зашнурованным, низко вырезанным корсажем вздымалась упругая, белая, как мрамор, грудь. Я любовалась ее грациозной талией, поддерживающей изящный бюст, от которого так и веяло негой; он походил на великолепный храм, воздвигнутый на ее прелестных и нежных ножках. Когда мой хозяин прекратил свои приветственные поцелуи, она вспомнила обо мне и, как будто уже зная предназначенное мне место, томно опустила на меня свои добрые глаза. Я приняла важную осанку и немного наклонилась, приветствуя ее.

Почти тотчас же она опустилась на меня, заметив моему хозяину:

– Я думаю, что она прочна и удобна. А потом добавила:

– Тебе не кажется, что она немного низковата?

– Ты полагаешь? – спросил мой хозяин, и виду не подавая, что проверил меня два часа тому назад вместе с красивой брюнеткой и что нашел необходимым обломать два колесика из четырех, бывших у меня вначале.

– Мы испытаем ее, – сказала кареглазая красавица.

Она погасила несколько свечей и лампу; комнату освещало только слабое мерцание потухающего огонька, распространявшего вокруг себя розоватый свет.

Еще несколько раз зашуршала материя, не знаю, батистовая ли, шелковая или сатиновая, и я, не оправившись от прежнего волнения, с блаженством вновь приняла к себе даму и моего хозяина.

Я хотела бы проникнуть в детали и описать ту песню сладострастия, которая звучала в их нежных объятиях; я хотела бы для описания всей красоты нежной ласки повторить слова,

которые вырывались из их слившихся уст, и дать верную картину мучительного наслаждения так, чтобы всякий, кто прочтет эти мемуары, стремился бы всегда любить, как они. Увы и ах! Поддаются ли чувства описанию? Возможно ли отыскать выражения, способные передать экстаз, доходящий до крайности; вообще можно ли когда-нибудь передать все изгибы, все интонации голоса, всю нежность, всю музыку, всю ласку слов, в таком обилии льющихся из уст при ворковании счастливых?!

Все это оставило во мне, страшно чувствительной кушетке, неизгладимые воспоминания.

В то время, когда я пишу эти строки, у меня содрогаются все пружины и, если бы я не старалась успокоить свои нервы, мне кажется, что мое перо выпало бы на бумагу, а я, закрыв свои темнотурные глаза, улетела бы в царство грез. Но я уже стара. Эти грезы ужасно утомительны, и я себе говорю: «Куда тебе, старая дура; слишком поздно, ты уже не дитя; это было позволительно в пору твоих первых походов!»

Нет ничего вечного в этом мире: пришел конец и этой сцене, я услышала признательные поцелуи, меня покинули; снова зажгли лампы и свечи, огонь в камине под пеплом померк, я безучастно смотрела, как приводился в порядок туалет.

Я думала, что дело этим кончится, и так же, как удалилась красивая брюнетка, уйдет и милая дама с карими глазами. Я была так наивна в то время! Приведя в порядок туалет, она снова уселась на меня, между нею и моим хозяином произошел такой диалог:

– Эта кушетка мне внушает страх, – сказала она. – Я боюсь, что это единственная вещь, которая тебе неприятна. Я хотела бы, чтобы предметы, принадлежащие нам обоим, хранились и уважались тобою.

– Скажи, милая, откуда у тебя такие мысли? Разве ты не знаешь, что ты единственное в свете существо, которое я обожаю? С тех пор, как я тебе сказал впервые: «Я тебя люблю», я тебе никогда не лгал, и ты это хорошо знаешь; я тебя никогда не обманывал.

– О, люди так легкомысленны, и большие мастера на выдумки!

– Люди, моя милая, пусть делают то, что они хотят, но я ведь твой возлюбленный, я люблю маленькую хозяйку, которая согласилась отдать все сокровища своего сердца и всю красоту тела бедному нищему, который умоляюще простирал к ней руки. Твое великодушие заполнило всю пустоту моей жизни. Нет, я тебя не обманывал, я тебе не лгал. Мне кажется, что, если бы я изменил женщине, подобной тебе, я был бы несчастен. Я на тебя смотрю, как на маленькую фею в моих радостях! Слушай, как только я заканчиваю проект, я его передаю на твое усмотрение. Когда я хочу предпринять какой-нибудь важный шаг, я смотрю на один из твоих портретов, все равно на какой, потому что всюду у тебя добрые глаза, и я спрашиваю у твоего изображения: должен ли я сделать то или другое? Я всегда отгадываю и повинуюсь.

С этими словами он наклонился к ней, и его уста коснулись прелестных карих глаз.

– Ты мне веришь, дорогая? Я хочу, чтобы ты мне верила.

– Да, я верю тебе, – сказала она просто. – К тому же, если ты будешь себя дурно вести, не забудь, ты совершаешь ужасный поступок. Впрочем, я не хотела бы больше возвращаться в эту берлогу, в это убежище беднячьего любимого мною медведя. Если бы у меня было малейшее подозрение, что другие женщины могут сюда проникнуть, я бы тебя презирала, и у нас никогда больше не было бы этих светлых, милых, спокойных часов, которые мы проводим вдвоем, далеко от всех, когда мы можем целоваться сколько и как угодно, когда никто не может нас ни видеть, ни слышать.

Еще долго доносились до меня полные страсти и нежности голоса, я была совершенно растрогана, я, бедная кушетка, никогда не слышала объясняющихся в любви.

Несколько времени спустя они встали, и уже было попрощались, как вдруг мой хозяин тихонько сказал своей милой подруге:

– Ты хочешь уже уйти? Ты хочешь покинуть медвежью берлогу?.. Кушетка там... Ты с ней поздоровалась, следует и попрощаться... я тебе буду очень признателен!

Держа ее в объятиях, он, не дожидаясь ответа, притянул ее вторично ко мне – снова заговорила страсть.

Движения были уже более грациозные, более внушительные.

Я удивилась, увидевши, что «песни любви» не походят одна на другую, и что игра страстей очень разнообразна.

Несколько минут спустя влюбленная пара, накинув пальто, покинула комнату; было слышно, как их шаги затихли в отдалении, как закрылась дверь. Воцарилась тишина.

Как бы очнувшись, я воскликнула:

– К кому же это я попала? Этот господин, мой хозяин, лгал своей прелестной хозяйке с карими глазами. Он ей клялся в верности! А мне известно... Неужели я навсегда осуждена быть невольной соучастницей его клятвопреступлений? Неужто мне никогда не удастся дать понять моей избавительнице, что ее возлюбленный не сдерживает своих обещаний и пренебрегает своими уверениями? И я долго думала, притихнув в своем углу, – о своей пассивной и гадкой роли: может быть, я даже испытывала муки совести – никто ведь не знает до чего чувствительны могут быть подобные мне рабыни.

Я считаю бесполезным запечатлевать в своих воспоминаниях все действия и жесты моего хозяина и его прелестной подруги, тем более, что я не старалась отмечать всех своих впечатлений, к тому же, я ведь была свидетельницей такого множества легких походов, что, если бы пришлось добросовестно вести полный журнал, то в нем, пожалуй, и не было ничего скучного, но нужно было бы написать еще множество томов.

Нужно ли говорить о том, что я полагала, что можно спокойным образом заснуть на своей кровати после трех таких походов, которые, чтобы быть более приятными, должны были быть менее утомительными? Впрочем, здесь нужно отметить, что мой хозяин принадлежал к числу людей, которые не привыкли щадить себя. Даже теперь я недалеко от мысли, что он был скорее чрезвычайно любезен, чем безумно влюблен. Для него казалось невозможным пренебречь галантностью. Если ему на пути встречалась женщина, он тут же, часто без всякого энтузиазма, начинал играть свою роль.

Но вместе с легкомыслием этого человека, обо всех похождениях которого я не буду рассказывать, потому что они очень похожи друг на друга – с первого до последнего, сочеталась такая страстность, такая порочность, что во всех своих прихотях, непреодолимых и переменчивых, он являлся прямо-таки артистом, капризным, развратным, а временами настолько искренним, что заставлял обратить на себя внимание.

Ну и тип же был мой хозяин! Ах, как это ужасно растрчивать на такие вещи столько физических сил!

Например, однажды утром он пришел домой с опухшими глазами и в отвратительнейшем расположении духа.

Некоторое время он стоял посередине комнаты, любуясь собою издали в зеркале. Рассматривая самодовольно свою физиономию, он скривил гримасу и тихо, как бы по секрету, вымолвил:

– Ну и рыльце же у тебя сегодня. И никто не сказал бы, что тебе двадцать восемь лет!

Он недовольно замолчал; потом воодушевленно продолжил:

– Перед этим зеркалом, которое мне открывает так много неприятных истин; в этой странной комнате, куда наставлено так много излишней мебели; в этом маленьком уголке этого огромного несуразного дома, где я сосредотачиваю самое оригинальное веселье, куда приходили прелестнейшие женщины Парижа и других мест, где раздавалось так много сладких поцелуев, где смеялись над устами, слишком льнущими к шампанскому, где навертывались слезы на глаза некоторых нервных женщин, где я любил, пел, смеялся, где я никогда не был несчастлив... Перед этой постелью, этим стулом, этим креслом, этой кушеткой, еще новой, но уже ставшей старым другом, перед этими дорогими соучастниками наслаждений... О, кровать,

одной своей формой достойная служить моделью для художника! О, маленький стульчик, на который я заманивал столько милых жертв! О, старое кресло, похожее на брюзгу, на котором было начато, но не доведено до конца столько приключений! О ты, кушетка, на которой отныне я буду проводить уже короткие сумерки! Перед всеми клянусь, что я больше не буду ночевать в чужих местах, что я удовольствуюсь тем весельем и теми наслаждениями, которые можно себе представить в вашем обществе!

После этого потешного, однако же утомительного монолога, мой хозяин сделал энергичный жест и... скинул свой плащ, пиджак, жилет, свои штаны и остальные принадлежности костюма.

Несколько минут спустя он сделал укрепляющее омовение.

Всегда после усиленных трудов он старался пополнить запас энергии, полоскаясь в воде. Он появлялся потом, преобразившись – это была уже не тряпка; животное как бы вернуло себе нервы и мускулы. Затем он бросался быстро к прибору, прикрепленному к косяку двери, похожему на каучук, и в продолжение почти целого часа делал гимнастику, разнообразя свое занятие поднятием гирь, вес которых мог бы устроить специалистов.

Я долго следила за моим хозяином, предававшимся с такой настойчивостью и такой поразительной любовью своим гимнастическим упражнениям. Его мускулы напрягались под кожей, грудная клетка вздымалась под косматой грудью, и иногда слышался сильный треск в плечах. Нечего говорить – это было внушительное зрелище.

На мой взгляд, для полного совершенства ему нужно было быть повыше. Действительно, мой хозяин быть среднего роста, и его могучее телосложение и сильно развитая мускулатура делали его несколько тяжеловатым и не особенно изящным. Тем не менее, надо отдать ему справедливость, если он, одетый, не мог претендовать на успех у женщин, то раздетый, бесспорно, их пленял. Достигал он этого без особенных усилий. Он держался очень просто; его богатая шевелюра и очевидная сила придавали ему вид ярмарочного геркулеса, а что еще нужно, чтобы обольстить, по крайней мере, большинство страстных женщин?

Мой хозяин обладал еще одним даром, которым мастерски умел пользоваться. Он, как настоящий актер, с поразительным умением менял свой голос при произнесении длинных любовных монологов, которые ровно ничего не означая, ласкали, нравились, занимали и с неслыханной легкостью увлекали на кушетку бедненьких маленьких женщин. Ах, сколько их перебивало на мне!

Они упивались его комплиментами. Они все верили ему и в глубине своего сердца чувствовали ту сладостную удовлетворенность, которую испытывают женщины, сознающие, что они любимы.

Ах, прелестные, глупенькие женщины, если бы вы только знали, что все это лишь готовая комедия, что этот льстивый, страстный голос звучит почти каждый день в разговорах не с первой, конечно, встречной, но со всеми милыми, красивыми и привлекательными женщинами, волею случая попавшими сюда, к нам!

Особенно мне памятен один случай, который мне показался выдающимся: он произошел в первые дни моего поступления на службу. Под вечер, после обеда, моего хозяина посетила одна блондинка, приблизительно лет тридцати, по-видимому, ужасная кокетка, очень красивая; ее большие голубые глаза сверкали блеском драгоценных камней. Она была куртизанкой и звалась Манон. В комнату вошла, как к себе; впрочем, она была здесь не впервые.

– Я была одна, – сказала она, – и соскучилась. Вспомнив о тебе, я зашла по-соседски, чтобы поболтать немного. Что-то мне подсказало, что я застаю тебя дома.

– Право, жизнь полна курьезов! – ответил мой хозяин.

– Каждый день я думал о тебе; и, как ты видишь, я против обыкновения остался дома; словно предчувствуя приятный сюрприз. И, моя дорогая Манон, я очень рад, что предчувствие меня не обмануло, потому что в тот момент, когда я, было, начал уже упрекать себя в глупости,

ты, как видение неба, спускаешься ко мне, прелестная, как ангел Божий, с твоими прекрасными золотистыми волосами. Знаешь ли, Манон, что я тебя без памяти люблю?

Мой хозяин, изменник, сказал эти слова так, как будто бы они были сущей правдой.

Она же, привыкшая, чтобы ее любили и чтобы за ней ухаживали все мужчины, не находила ничего удивительного в том, что мой хозяин походил на других. Однако из кокетства воскликнула:

– Ну тебя! Ты ведь любишь всех женщин!

На сцену сразу же выступил талантливый странствующий актер. Он взял Манон за талию и со сладострастной дрожью усадил ее на меня рядом с собой; со своей стороны я приветствовала выпавшую на мою долю ласку, ласку, пропитанную духами, ласку сдержанную, ласку одной из прелестнейших из доселе знакомых мне фигур. И в то время, как я разбиралась в охвативших меня чувствах, мой хозяин уже начал свою тираду.

– Женщины! Женщины! Ты говоришь, Манон, что я люблю всех женщин! Почему ты сомневаешься во мне? Что другие ошибаются – это понятно, они меня не знают. Но ты? Имеешь ли ты право меня забывать? Я самый простой и искренний из всех в этом мире. Моя развращенность – фиктивная: у меня сердце дитяти, и самые легкие волнения заставляют его биться. Ах, Манон, если бы ты могла знать, какими светлыми мечтами полно мое сердце! Мы старые друзья, не правда ли?

И ты должна понять, что все, что я стараюсь скрыть от других, от тех, кого я не люблю и к кому я равнодушен, все – тебе. Вспомни... с того момента прошло уже несколько лет; это было зимою, почти в это время; я пошел к тебе в первый раз. Это было в отдаленном гнездышке. И мне казалось, что, направляясь туда, я приближался к чертогам языческого божества, к скинии незнакомого мне бога. И это я направлялся к тебе, Манон. Как только ты явилась предо мною, мой бедный рассудок покинул меня; я превратился в бедное существо, неспособное рассуждать, и усилие, которое я хотел употребить над собою, чтобы спастись от твоего обаяния, было выше моих сил. Я преклонялся перед тобою, целуя твое платье, твои ноги; я тебя люблю, промолвил я. И с тех пор мне кажется что небо – цвета твоих глаз; в моих сновидениях мне постоянно мерещились поцелуи, которыми мы позже обменялись; я хранил всю свою жизнь в секрете тайну незабвенного веселья, те ощущения сильного сладострастия, при воспоминании о котором у меня и теперь дрожь пробегает по телу, и тот момент, когда ты дала возможность надеяться на то, что не извели величайшие короли этого мира... О, драгоценность моя, с тех пор для меня началось сплошное мучение: искушения всецело овладели моей душой. Я устал и преждевременно состарился; перед моими глазами проходят все безумные дела прошлого.

Скука и отвращение сочетались вместе, чтобы сильнее огорчить меня; мои насыщенные чувства мне опротивели, и очень часто, Манон, когда я падаю на грудь женщины, все равно какой, я это делаю только для того, чтобы унижить их перед собой, чтобы они, наконец, очнувшись, еще с большим презрением отнеслись к самим себе. И однако же я не злой, я бы хотел быть хорошим и даже очень хорошим, я люблю слезы в глазах других, потому что и я плачу иногда; я бы хотел, чтобы моя печаль распространялась на всех, чтобы, наконец, и я не отчаивался больше...

С этими словами, высказанными с энтузиазмом задетого за живое человека, он обхватил обворожительный бюст Манон, наклонил ее к себе так, что его губы могли касаться бледной розы растроганной куртизанки, и сказал ей нежным, чуть слышным, удивительно трогательным голосом:

– Я никогда не осмеливался тебе сказать, что ты мое будущее счастье, потому что я боялся, что мне откажет единственная женщина, которую я мог бы обожать. Иногда, Манон, ты отдавалась так, как феи или королевы отдаются покорным. Это твоя привилегия ласкать, не унижая себя, слабых сердцем с такой искренностью, как будто эту ласку ты продаешь богатым и могущественным мира сего. Это милостыня с твоей стороны, и я жду ее с той страстностью, с

какой неимущий надеется на выигрыш. Ты моя гордость; когда ты будешь принадлежать мне – о, как я сильно этого желаю! – я буду счастливым человеком. Проникнув в рай, я там поселюсь; моя душа не захочет больше покинуть его. О, целовать твою грудь, ощущать содрогания твоего трепещущего тела, испытывать очарование и приятное опьянение твоих жгучих уст; слушать вздохи, вылетающие из твоей груди, погружаться в золотистые волны твоих ослепительных волос и черпать в их благоухании вдохновение для прекраснейших мечтаний: вот, Манон, мое истинное желание, которое я испытываю все время, и даже, клянусь тебе в этом, я испытываю это тогда, когда держу в объятиях какую-нибудь девушку; всегда, во всякий момент моей жизни, во всяком состоянии, спокойном или безумном, ты всегда там, в моем сердце, в моей душе, как неизменный идеал. В один прекрасный день, когда я почувствую особое отвращение, когда мне опротивеет жизнь; тогда я, потеряв надежды, пойду, быть может, пресмыкаясь, как бездомная собака, за тобой туда, куда ты последуешь, я явлюсь к порогу твоей запертой двери. Никто не откроет... если это будет не с целью меня прогнать... я кончу с собой на коврике, о который ты вытираешь ноги: на следующее утро ты найдешь мой труп, забрызганный кровью; ты сумеешь тогда сказать: «Это был несчастный сумасшедший, который меня обожал, я его оттолкнула, и он не захотел тогда больше жить!» Во время речи моего хозяина белокурая куртизанка, совершенно растроганная его любовью, которая, если судить по мучительному тону признания, не отличалась особенной страстностью, отдалась новым ощущениям: так с ней объяснялись впервые. Ее боготворили! Ей казалось, что весь ее блеск был причиной несчастья другого. Она олицетворяла собой печаль. Ее большие глаза цвета морской волны становились то зелеными, то голубыми; в них, как в волнах, отражалось прекрасное небо, они казались заплаканными, полными наивных детских слез; нежно, как бы желая исправить зло, которое, ей казалось, она причинила, она кинулась в его объятия, готовая на все, и еле слышным, как бы умоляющим голосом пролепетала:

– Я тебя тоже люблю.

Воспользовавшись минутой, когда глаза прелестной женщины были закрыты, мой хозяин торжествующе улыбнулся. Да, комедия, которую он ломал, возымела свое действие.

Он овладел этой горделивой куртизанкой, которая до сих пор встречала подобные комплименты насмешливыми улыбками, похожими на презрение! Но для него было недостаточным только овладеть ею. Нужно было, чтобы она унесла неизгладимое воспоминание об этой любви. Воодушевленный, он решил употребить все свое могущество – о, он был по этой части виртуозом. И немного времени спустя признательная Манон, преисполненная радости, умоляюще воскликнула:

– Я тебя умоляю!.. Я тебя умоляю!.. Дай мне еще жить... Не заставляй меня умирать!

Умирать! Нет, мой хозяин вовсе не хотел ее смерти! Ему нужно было только, чтобы она превозносила до небес полученные наслаждения, для того, чтобы другие куртизанки пришли в берлогу этого чудовища, привлеченные приманкой необыкновенных удовольствий.

Я наблюдала за покрасневшей Манон. У нее уже не было привычного вида куртизанки; это была совершенно маленькая девочка, растроганная ложью, которой ее захотели заманить. Вошла она сюда кокеткой; уходила же совсем другой. Когда она входила, сердце ее было спокойно, теперь же оно было полно треволнений: без сомнения, она задалась вопросом, имеет ли право куртизанка любить так, как и другие женщины.

Слова опьянили ее так же сильно, как опьяняют хорошие вина. Она не понимала, каким образом с ней произошла такая перемена; но эта перемена ее обеспокоила, как обеспокоилась бы, пожалуй, собака, почувствовав у себя чужую душу...

Миновала эта ночь; я позволю себе высказать свое мнение о происшествии и событиях, тем более, что я тогда еще была почти совершенным новичком. Все возможно в этом мире: я могла бы быть обыкновенной, безмятежной, мещанской кушеткой, служить старику, страдающему подагрой, или молодому повесе, но по случайному стечению обстоятельств я стала

соучастницей одного из величайших современных развратов. Теперь я вам скажу свое мнение о той сложной роли, которую сыграл мой хозяин: нельзя было бы довести до такой степени раздражения куртизанку, подобную Манон, если бы в ход пускались средства, предназначенные для того, чтобы уговорить маленькую мешанку обмануть мужа. Я об этой истории не могу вспомнить без удивления: мой хозяин играл артистически; все же утверждаю, не боясь ошибиться, что если он и увлекался многими женщинами, то любил лишь одну: даму с карими глазами.

Глава третья

Мало-помалу, по мере того, как я становилась взрослее в обществе моего хозяина и его посетителей, несмотря на природную стыдливость, я приходила к убеждению, что вполне допустимо, в общем, чтобы мужчина обожал женщину и без зазрения совести ее обманывал. Ясно, что подобные мысли не сразу приходят в голову. Необходимо некоторое время; однако чувства меняются, и, когда обширный труд окончен, не приходится удивляться высказанным соображениям...

Вскоре я оказалась пассивной зрительницей одной сцены, о которой следует рассказать несколько подробнее.

В комнате в течение дня никого не было; бедная мебель уже начинала дремать в ночной тишине, как вдруг послышался за дверьми ужасный шум. Мы затрепетали от ужаса; и, прежде, чем комната осветилась, в нее вошли три женщины.

Они, должно быть, отлично знали, где находятся. Темень продолжалась всего несколько секунд: за ними следовал мой хозяин, который, по своему обыкновению, зажег все лампы и все свечи в доме.

– А теперь, что вы хотите пить? – спросил он у своих подруг.

– Шампанское!!

Далее все происходило, как по написанному: Лизетта, Мария и Марта, три куртизанки (все в высшей степени элегантные, одетые в кружева и лино, украшенные чудными драгоценностями, в больших шляпах, отделанных черными или белыми перьями, в шелковых чулках и перчатках из белой кожи), взяли каждая по подсвечнику и, следуя вереницей за моим хозяином, распевая во все горло застольную песню, направились к выходу, чтобы спуститься в погреб. Я себе ясно представляла эту ночную прогулку по лестницам, темным и влажным переходам подземного помещения, где в воздухе стоит запах вина, которое только и ждет того момента, когда его возьмут.

– Ну, в эту ночь мы уже не наскучим друг другу, – сказала высокомерная кровать.

– Я тоже полагаю, что он натворит много дел, – сказал маленький стул.

С их мнением вполне согласилось кресло: евнухи тоже иногда должны высказать свои соображения.

Что же касается меня, то я, еще не познавшая всей прелести и безумства оргий, ничего не сказала, но втайне уже приготовилась ко всему.

В торжественно освещенной комнате мы все походили на солдат, готовых к решительному бою.

Мы недолго оставались одни: с песней, шаг за шагом, в определенном порядке, неся в руках дымившиеся, как факелы, подсвечники, каждая с бутылкой в руке, женщины ввели моего хозяина в комнату. Потом все четверо остановились, чтобы пропеть последний куплет песенки.

Как только прозвучал последний стих, соседи, потревоженные несшейся через полуоткрытое окно песней, стали бросать нам несправедливые упреки.

– Это противно! – кричала старая женщина. – В этом шуме невозможно уснуть!

– Нужно будет завтра пожаловаться хозяину! – сказал сердито профессор университета, живший напротив.

– И это всю ночь они намерены развлекаться?.. – визжала маленькая проституточка с третьего этажа, прислонившись в одной рубашке к подоконнику и яростно жестикулируя. – Если бы это было со мной, меня бы давно за дверь вышвырнули! Но ему, этому господину, все можно!

– Вот пьяная компания! – закричала толстая дама, которая пользовалась во всем доме репутацией женщины, напивающейся для утешения два раза в день. Горе ее состояло в том, что сын у нее был кюре.

– Все это так безвкусно! – застенчиво промолвила кокотка с четвертого этажа, которая время от времени угождала моему хозяину.

– Если бы я был владельцем, – хриплым голосом провозгласил отец известной оперной певицы, показавшись в свою очередь с белым бумажным колпаком на голове, – то я бы показал этим мерзавцам, где раки зимуют.

– Бесспорно! – примкнув к этому хору, заметил возлюбленный кокотки с третьего этажа.

– Это поистине дом дебошей! – заметила одна старая дева, которая жила рентой, оставленной ей ее бывшим патроном, при котором она исполняла роль компаньонки.

– Впрочем, здесь те еще «штучки» живут, – буркнул профессор университета, панически боявшийся женщин легкого поведения и им подобных.

При слове «штучки» внезапно оскорбленные обитатели дома излили весь свой гнев на несчастного профессора.

– Вы им сами под пару, – сказала жилица с третьего этажа.

– Если вы выползете из своей конуры, то я уже вам кое-что покажу, – прибавил ее возлюбленный.

Брань приняла совсем иное направление; забыли о моем хозяине и об его подругах, и жильцы начали ссориться между собой.

Тогда в четырех окнах нашей квартиры поместились Лизетта, Мария, Марта и мой хозяин.

– Вы, рожи, еще не кончили трещать? – воскликнула Мария.

– Если так будет продолжаться, – сказала в свою очередь Марта, – я пойду за полицейским комиссаром.

– Они все с ума сошли в этом домике, – заметила, покачиваясь, Лизетта.

Что же касается моего хозяина, то он вздумал произнести речь:

– Милостивые государыни и милостивые государи, если б моя квартира была достаточно вместительной, я, чтобы прекратить разговоры, пригласил бы вас всех собраться у меня; ведь, если все жильцы одного дома имеют право развлекаться в компании друзей в подобный час, как это мы делаем, то нужно подумать и о жильцах соседних домов, которым это ночное удовольствие может быть не по вкусу. Я должен, однако вам заметить, что вы себя неблагородно ведете; вы нарушаете общественное спокойствие, и эти дамы, почтившие меня своим приходом, после того, как я их уверил, что живу в порядочном доме, теперь должны особенно разочароваться при виде этого мерзкого зрелища. Чтобы забыть всю эту историю и чтобы покориться тому старому французскому обычаю, по которому все во Франции оканчивается шутками, я вам предлагаю спеть хором нашу прелестную песенку...

И прежде чем соседи пришли в себя от изумления, мой хозяин и его три дамы затянули свою застольную песню. А далее произошло нечто невероятное: женщины в одних рубашках, мужчины в колпаках, старые дамы, молодые девушки – во всех окнах без исключения – все в один голос после куплета затянули припев!

Дело шло превосходно, как вдруг появились два дворника, вконец разбуженные и одуревшие. И как им было не одуреть, когда они увидели всех своих сорок или пятьдесят жильцов, поющих в два часа ночи, в одних рубашках, возбужденных, радостных, счастливых, похожих на помешанных!

В этот момент моего хозяина осенила поистине счастливая мысль; он вынул несколько су из своего кармана и по одной монете начал бросать во двор. А жильцы хлопали в ладоши и разражались безумным хохотом. И так как все люди ведут свое происхождение от обезьян, то им присущи подражательные способности: отовсюду полетели к молодцеватым дворникам

монеты; дворники, вероятно, полагали, что это сон. Они смотрели безучастно на падающий дождь медных кружков, не думая даже их поднимать.

Веселье было в разгаре, и прекращать его никто не думал; моему хозяину захотелось найти предлог, чтобы закончить разгул.

– Милостивые государи и милостивые государыни, – воскликнул он, – я предлагаю, чтобы каждый из нас, с того места, где он находится, пропел бы песню и сказал бы речь за здоровье дворника.

Со всех сторон раздались аплодисменты.

– И чтобы подать пример, я начну.

Он тотчас запел знаменитую «Песнь Горцев», хорошо зная, что все голоса сумеют поддержать его и получится ужасный содом. И как было велико всеобщее веселье, когда дворники, освещенные луной и звездами, присоединили свои голоса к их общему хору.

В доме напротив, царило какое-то безумие. В подобной истории жильцы, насколько я понимаю, еще никогда не участвовали. В соседнем особняке, принадлежащем богатому господину, публика высыпала к окнам. Я, в свою очередь, привлеченная всеобщим весельем, тоже горланила изо всех сил.

Понятно, не было никакого резона кончать этот неожиданный праздник; вдруг с шумом остановилась у ворот повозка. Пение внезапно стихло.

– Это полиция! – сказал кто-то.

При этих словах, напугавших всех, подоконники очистились, окна закрылись, свечи погасли, и во всем доме осталась освещенной только наша квартира. Мой хозяин и его подруги с затаенным дыханием ожидали, как дворники объяснятся с этим назойливым и несвоевременным посетителем.

Оказалось, что это не полиция, но просто запоздалый жилец, который в продолжение битых трех четвертей часа звонил у ворот: его никто не слышал.

Наконец, боясь провести ночь на улице, он решился, вооружившись камнем, вышибить дверь. Но до этого дело, однако, не дошло, – дверь не была сломана: но как только она отворилась и жилец вошел во двор, он, раздраженный до последней степени, излил душу грубой бранью: пьяницы... сукины дети... Ах, эти несчастные дворники! Напрасно они старались объяснить ему, он и знать ничего не хотел.

– Уже два часа стою за дверью! Это отвратительно!.. Когда не могут исполнить своих обязанностей, то не берутся за них... Я об этом расскажу хозяину... Я заставлю дежурить у двери, и все жильцы подпишутся под моей жалобой... Это невозможно, вы напивались допьяна... Впрочем, всем известно... Это безобразие...

И, продолжая орать, он взобрался по лестнице, стуча изо всех сил ногами, по всей вероятности в виде протеста.

Пробило половину четвертого. Марта, Мария, Лизетта и мой хозяин переглянулись. Никто из них и не думал, что так поздно, а пить еще не начинали. Бутылки, которые они принесли с собой из погреба, ждали их на камине и одноэтажном столике; одна валялась на кресле, другая на кровати, и одну я держала сама на своей груди. Вид этих бутылок возбуждал жажду. Пробки выстрелили. Они пили жадно, большими глотками. Но этим был положен конец веселью. Они совершенно утомились. Теперь все четверо расселись или растянулись, кто где мог. Лизетта в кресле, Мария на мне, Марта и мой хозяин на кровати; они думали лишь о том, как бы заснуть. Но как спать? Несмотря на то, что кровать была широка, нечего было и думать о том, чтобы улечься на ней вчетвером.

Между тем необходимо было решить. Было уже не до смеха. Дремота овладела всеми. Марта лежала на постели полураздетой. Мария давно сняла корсет и ботинки, которые ей докрасна натерли ноги. Лизетта, согнувшись в кресле, расстегивала свои подвязки, которые жали ей колени.

Мой хозяин, собрав в охапку шляпы, пальто, как попало, не обращая внимания ни на перья, ни на кружева, понес их в столовую. Потом, вернувшись, он захватил корсажи, коробки, юбочки, упавшие одна на другую. Сам, войдя в комнату, оказался в одних кальсонах. Он прибежал к удивительному способу раздевания – а я не думаю, что в мире существовал еще хотя бы один человек, который так спокойно снимал бы свои кальсоны, как мой хозяин. Комната стала свободней, а ее жильцы как будто стали меньше. Три женщины легли в постель. Мой хозяин растянулся на мне, укутавшись в одеяло, и в эту ночь, которая, по предсказанию кровати, маленького стульчика и солидного кресла, должна была быть ночью оргий, воцарился тихий и спокойный сон. Все четверо спали как ангелы, под охраной ночника, который также спокойно дремал на своей железной подставке.

Я, сильно возбуждись, не могла заснуть. Было ли это потому, что я еще надеялась на пробуждение той или другой, или от того, что я имела счастье обладать моим хозяином? Не были ли причиной моего нервного состояния легкие вздохи трех красивых девиц? Или, может быть, мои развратные инстинкты заставляли меня предчувствовать еще незнакомые ласки? Любопытство? Беспокойство? Я не знаю...

Маленький стул, кресло, красавицы – все спало. Что же касается моего хозяина, то я всегда полагала, что он грезит. До каких безумств он доходит в своих сновидениях, я не осмеливаюсь сказать, пока не буду уверена... Кроме того, я очень дорожу своей репутацией и не хотела бы, чтобы меня обвинили в особенном бесстыдстве. Очень возможно, что я на момент тоже уснула, и что это был мой собственный сон. Кто знает?

Присутствие трех куртизанок в постели, беспокойство, которое овладело моими пружинами, все время заставляли меня думать о прекрасной даме с карими глазами, которую я так любила!

Проснулись около полудня. Три хорошенькие кошечки вспомнили об очень важном свидании. Они скоро, без особенной тщательности совершили свой туалет; корсеты завернули в газетную бумагу, шляпы наскоро приколоты к растрепанным волосам – все это было похоже на бегство воробьев. Мой хозяин, плохо отдохнувший, во время этих сборов равнодушно поглядывал на кровать.

Глава четвертая

Если мой хозяин в то памятное утро, когда он явился совершенно разбитым, поклялся, что никогда не будет ночевать вне дома, то клятва его, надо понимать, заключала в себе обещание приводить к себе на ночь компанию чаще обычного.

Впрочем, насколько мне удалось подметить, мой хозяин принадлежал, по всей вероятности, к числу тех неуживчивых животных, которые страшно страдают, чувствуя возле себя присутствие посторонних.

Каждый раз после полудня кровать открывалась; все же были исключения, и мне представился случай стать свидетельницей одной страстной сцены, в которой я не имела удовольствия принимать участие. В тот день все почести выпали на долю кровати – моей соседки.

Она была блондинка, блондинка естественная, и все же ее волосы по цвету походили на некоторые модные краски. Говорили, что ее волосы были смочены в ванне с желтой медью; их великолепный цвет делал неотразимой ее чудную, вздымающуюся, как морские волны, пышную прическу. Она была высокого роста, хорошего телосложения, но принадлежала к числу тех изящных мешанок, которые из-за глупой стыдливости скрывают очертания своего тела.

Была ли она хороша? Пожалуй что нет. У нее были голубые глаза, бледное лицо, слегка напудренное; белые зубы и необыкновенно здоровый и свежий рот; ее нос, правильно очерченный, говорил о страстности ее натуры; ее нижняя челюсть, слегка выдающаяся, говорила о чем-то зверином, несмотря на то, что в ней не было ничего безобразного. И все же ее выразительное лицо, на котором отражались все перемены ее страстной натуры, казалось очень привлекательным, и она, увлеченная первыми поцелуями, которые коснулись ее губ, походила на чертово искушение, спустившееся на землю, чтобы соблазнять людей.

Это была ужасная лакомка, поистине ненасытная, которая всевозможными средствами добивается желаемого.

Если я забыла большую часть имен наших метресс, то ее имени я не забыла; ее звали Жанной. Как только Жанна в первый раз вошла к нам, я сразу же поняла, что она хорошо знакома с моим хозяином. Скоро убедилась в этом, потому что почти тотчас же они стали с увлечением вспоминать о счастливых минутах, проведенных в кабинете в ресторане, недалеко от вокзала Монпарнас. Запенилось шампанское, начались нежности, они пили из одного стакана, и часто пылкая подруга принуждала пить моего хозяина, вливая в рот ему шампанское из того же стакана, из которого и пила она.

Я настаиваю, что она как-то особенно умела целоваться; она владела всеми тайнами этого искусства. Природа ее богато одарила. Ее жесты, ее ласки, ее позы, ее удальство мне были в высшей степени интересны. Она была очень забавна, и так резвилась, смеялась, развлекалась, как будто бы она пришла к нам с целью развеселить нас.

У нее не было того томного вида, который так присущ, по мнению многих, страстно влюбленным женщинам. Она, наоборот, олицетворяла собой само веселье, само воодушевление. Она была похожа на тех жеребят, которые с громким ржанием несутся по цветущему лугу, развивая по ветру гриву, и раздувая ноздри.

Жанна вовсе не заслужила с моей стороны этих комплиментов, так как ее презрительное отношение ко мне как в тот день, так и в последующие, скорее должны были вызвать во мне злобу. Очевидно, я ее очень мало интересовала. Ее особой благосклонностью пользовалась кровать. Какой странной и девственной была моя натура! Если я и не была сердита на Жанну за ее равнодушие, то я никогда не могла простить кровати выпавшего на ее долю счастья. И даже еще теперь я ревную, но ревную не всех, а только Жанну.

Но довольно говорить о моем душевном состоянии и моих маленьких слабостях, я пишу не только для того, чтобы записывать мои чувства, но и с целью дать представление обо всем, происходившем вокруг меня. Итак, вернемся к нашим влюбленным.

Мой хозяин был прямо бесподобен. Он был поразительно терпелив и храбр. Ни разу на его лице я не заметила и тени утомления. Женщина овладела им, не будучи в состоянии вселить в него ту подлинную страстность, которой обладала. Казалось, они с одинаковой настойчивостью стремились к страстному апофеозу.

Ах! Как их песнь все же была хороша! Ах! Как велико было их безумие! Иногда во время борьбы они бледнели, становясь похожими на смерть, но почти тотчас же обретали новые силы, чтобы прийти более изящным образом к победе.

И мне, бедной покинутой кушетке, прислушивающейся к их гимну и витающей в заоблачных высях, мне казалось, что я участвую в полете множества птиц, которые, направляясь ежегодно в теплые края, пролетают поле мира. Я слышала взмахи их бархатных крыльев, трение крыльев одно о другое. Я слышала их влюбленные страстные возгласы, выражавшие страх или подбадривание. Но по мере того, как они приближались к заветной цели, из их уст все чаще раздавалось веселое пение; этап был близок к концу, и там они обрели покой, веселье, счастье.

Каждый этап птиц – это рай, которых много посеяно на земле, на больших дорогах, по которым происходило переселение.

И я их увидела – усталых, утомленных, крылья их, пораненные во время борьбы, покоились...

Потом они полетели снова, и то же воркование раздавалось уже в царстве ветров, они летели, летели, летели, все выше, чтобы пробиться в новый рай, в небеса, откуда уже внизу ничего не видно, и они продолжали лететь туда, к веселью, к любви, к отдыху, и наконец, они достигли обетованной земли!

У обоих на лицах горел лихорадочный румянец, а полузакрытые глаза блестели.

Мне казалось, что я буду иметь удовольствие постоянно их слышать и видеть...

К сожалению, все рано или поздно кончается. Страстная Жанна находилась под опекой своего мужа, без сомнения, ревнивого, и должна была заблаговременно вернуться домой.

Уверенная в красоте своего тела, она одевалась с изящным бесстыдством; я удивлялась нежности ее кожи, которая распространяла вокруг себя пьянящий аромат чувственности.

– Довольны ли вы мной? – спросил мой хозяин.

– Вы мне доставили столько счастья, – ответила она, – что я не смогу не явиться еще раз. Но я вас прошу никогда не говорить мне о своей любви. Не пытайтесь меня обмануть насчет ваших чувств, признаюсь вам, я уже много страдала, и мне не хотелось бы опять переживать таких потрясений. И потом, ведь так приятно любить друг друга без участия сердца. Это опьянение, которое заменяет грубое пьянство; после него остается только приятное воспоминание, которое возбуждает желание повторить все снова, не утомляя сердца муками страсти, омрачающими радость любви.

Сказав это суровым голосом, она опорожнила бокал шампанского, а затем, переменив тон, весело воскликнула:

– Нет больше забот!.. Мы так интересно проводим время, что никогда о нем не забудем!.. Мне очень нравится твой способ измены. И мне безразлично, кто у тебя будет завтра, блондинка или брюнетка.

Мой хозяин ответил:

– Завтра будет отдых! Сегодня же, моя дорогая, я не уверен, смогу ли я думать об этом ранее восьми дней. А ты?

– О, я, я... Но это не одно и то же!.. Ты меня проводишь?

– О, без сомнения, если ты находишь это удобным.

– В закрытой коляске со спущенными шторами нас никогда не увидят.

Одевшись, они уехали.

Воцарившаяся в комнате тишина навела меня на размышления. Кто была эта Жанна? Не чрезмерно ли она утомила моего хозяина? Будет ли она настолько благоразумна, чтобы не подорвать его сил? Мне бы очень не хотелось, чтобы посягали на его здоровье. Будучи ужасной эгоисткой, я подумала про себя:

– Мне здесь хорошо, не скучно, меня уважают, я здесь нечто вроде драгоценности, я вижу красивых женщин, я присутствую при интересных битвах; если мой хозяин умрет, кто знает, не попаду ли я в руки паралитика?

Мое опасение, свидетельствовавшее о моей доброй натуре и искренней привязанности к моему хозяину, было вполне обоснованно. Действительно, я больше не сомневалась и тех особенных качествах, которыми обладал этот человек, волосатый, как медведь, и сильный, как бык. Я должна сознаться, что прежде редко чувствовала себя настолько усталой. Действительно, шелковая тесьма моей обивки была местами разорвана и выдернута. Я походила на старую мебель, которой нужна неотложная починка.

Около одиннадцати часов вечера явился мой хозяин. У него был мутный взгляд; под глазами синие круги. Когда он поворачивался в профиль, огромный шрам красовался на его носу. Он был в прекрасном расположении духа и походил на гуляку, приготовившегося совершить дурной поступок. Что он еще сделал? На какую ложь он еще способен? Какая еще жертва не устояла перед его обаянием?

Я так и не узнала этой тайны; он никогда не заговаривал об этом; но я готова биться об заклад двумя колесиками, которые у меня остались, что я не ошибаюсь, и что в тот вечер он нашел еще одну впечатлительную девушку.

Он разделся, вытащил свой каучуковый прибор, о котором я вам говорила, и испробовал силу своих мускулов посредством пружинного сантиметра.

Освежив себя одеколоном, он лег.

Мы все, и он в том числе, хорошо провели ночь, и, несмотря на начавшуюся по обыкновению около девяти часов утреннюю брань, никто не просыпался до полудня.

Глава пятая

Здесь мои мемуары прерываются. В середине зимы, в один прекрасный вечер, мой хозяин, набив сундук вещами, удалился, и я долго думала, что он больше не вернется.

В течение двух месяцев нас посещала только хозяйка дома, которая время от времени убирала комнаты.

Ах! Эти два месяца отчуждения и изолированности были поистине ужасны, и именно они-то и стали причиной моей хандры и перемены моего прекрасного настроения. Характер мой сделался невыносимым.

И тут одно нелепое происшествие позволило высокомерной кровати, маленькому стульчику и бесформенному креслу прогуляться на мой счет зло и саркастически; чтобы развлечься, они не нашли ничего лучшего, как счесть меня в этой глупой истории главной виновницей.

Действительно, я почти совсем не была виноватой, жертвами могли оказаться, подобно мне, и маленький стульчик, и кровать. Случайно я оказалась замешанной в эту историю; если бы у них было хоть немного жалости, они, вместо того, чтобы так зло смеяться, должны были пожалеть меня.

Вот что произошло.

Однажды, после полудня, в комнату явилась хозяйка, и принялась приводить меня в порядок; дворник через входную дверь, которая была открыта, заметил работавшую хозяйку.

– Почтеннейшая сударыня нарочно не закрыла двери?

Он подошел к ней сзади, неслышно ступая по мягкому ковру, и, не говоря ни слова, бросил ее на меня.

Может, вы вообразите, что она сопротивлялась? Напротив. На то была ее добрая воля, и при этом она проявила такой пыл, которого я и не подозревала у пятидесятилетней женщины, утомившейся достаточно в молодости и народившей целую дюжину детей.

Я опускаю грязные подробности. Несчастные беспечно пользовались мной, как будто имели на то право, и употребили во зло остаток этого скучного свободного времени. Ах! Никто никогда не узнает той тоски и отвращения, которые овладели моим сердцем. Кто мог предположить, что я буду настолько чувствительной и нежной? Я ведь успела полюбить приятный аромат и всей душой возненавидела дурной запах!

К этому, как я уже говорила, присоединилось еще мученье слышать днем и ночью насмешки моих соседей по комнате, а эти ничтожества еще и угрожали донести моему патрону!

Я дала себе слово во что бы то ни стало отомстить им, и думаю, что навеки сохраню неприятное воспоминание об их неприятной дружбе.

Начиная с этого времени, я стала совсем одинокой, так как поклялась воздерживаться, насколько возможно, от разговоров с ними.

Тогда-то у меня и возникла идея писать свои мемуары. Теперь я начну каждый день писать дневник, из которого будущее потомство сможет почерпнуть полезные сведения.

Благодаря мне узнают, какие необыкновенные кутилы, не знавшие никаких препятствий, жили в наше время. Итак, я продолжаю.

В пятницу, в день Венеры, ранним утром хозяйка с помощью дворника – как я задрожала, когда увидела их вместе! – стала убирать сверху донизу квартиру. Какой хаос образовался, мои друзья! Какой шум! Какая пыль! Я получила пинка, какого во всю свою жизнь не имела, но я испытала при этом тайное удовольствие, потому что мне казалось, что это меня очистило от грубой и вульгарной комедии любви, в которой чистильщики заставили меня принять участие. К вечеру помещение было уже убрано, они окурили все комнаты каким-то благовонием, и, когда дверь за ними закрылась – оба себя вели с примерной корректностью, – я на минуту

подумала, что пришла весна; так как скоро должен был вернуться хозяин, я постаралась выйти из состояния оцепенения, чтобы встретить его в надлежащем виде.

К полуночи, когда я была погружена в глубокий сон, меня разбудил поворот ключа в замке: это был мой хозяин. По шелесту шелковой юбки в темноте я догадалась о присутствии женщины; как только зажглась свеча, я тотчас же узнала, что спутница моего хозяина – грациозная дама с карими глазами, которую я так любила.

– Наконец, – сказал мой хозяин, – поездка окончена! Как хорошо в своем гнездышке! Как хорошо, моя милая, вернуться оттуда с подругой и хозяйюшкой, подобной тебе! И можно ли сказать, что хоть одну минуту я тебя не обожал!

С этими словами он обнял ее, прижал к своему сердцу и их уста слились в одном настолько долгом поцелуе, что мне казалось, ему не будет конца. Когда они, наконец, оторвались друг от друга и обвели взором комнату, с которой у них было связано так много прекрасных воспоминаний, вид у них был возбужденный.

– Посмотри, – сказал мой хозяин, – все вещи как бы смеются над нами; они хорошо знают как меня, так и тебя, кроме нас двоих они больше никого не видели; эта кровать, которая должна теперь быть холодной, приводилась в движение только тобой, и она, мне кажется, зовет тебя, желая тебе доставить то же удовольствие, что ты на ней некогда уже испытала.

Само собой разумеется, что они пришли вдвоем не только для того, чтобы осмотреть мебель, которая, по правде сказать, не стоила того внимания. Усталые от долгого пребывания в пути, утомленные непрерывной тряской при езде по железной дороге, они нуждались скорее в отдыхе, чем в шалостях.

Понятно, там произошла маленькая сценка любви, но сыграна она была тихо, без эксцессов.

Их возвращение не взбудоражило нашей застывшей жизни и того спокойствия, к которому мы уже привыкли.

С рассветом прелестная дама поднялась, оделась, не обращая внимания на детали туалета, и совершенно одна удалилась: понятно, что ее уход должен был совпасть с прибытием утреннего поезда, к которому она, по всей вероятности, хотела поспеть.

Зима была на исходе; чувствовалось приближение весны. Хотя каштаны еще не покрылись листьями, но почки их уж распустились. Несмотря на то, что мне, кушетке, не представлялось случая посмотреть в окно на деревья, я всегда угадывала времена года...

На этом оканчиваются мои воспоминания и начинаются Мемуары.

Глава шестая

День после приезда прошел спокойно. Мой хозяин долго разбирал свой большой чемодан. У него был вид потрясенного человека. Я полагаю даже, что у него не могло быть хорошего расположения духа, впрочем, ему не представился случай проявить свое настроение. В продолжение долгого времени он сидел за маленьким столиком и читал письма, в большом количестве полученные в его отсутствие. Я не знаю содержание этих писем, но, вероятно, некоторые из них сильно взволновали его. Он не только завтракал дома, но отказался выйти пообедать. Швейцар отправился в соседний ресторан сделать заказ для моего хозяина. Напрасно я старалась угадать, что с ним происходило; я еще не знала всей правды, когда он нетерпеливо и раздражительно воскликнул:

– Итак, начать сначала!.. И у меня не было мужества разделаться с этой безалаберной жизнью, в которой приходится делать столько гадостей по утрам и вечерам и лгать в течение всего дня!.. Я не могу быть человеком! Сколько лет мне еще придется быть машиной в любви, готовой к услугам славных вдовушек, любознательных девиц, замужних женщин, изнуренных страстью кокоток, которым наскучили их глупые любовники, слушать их пошлые, глупые сентиментальности о снах, маленьких птицах, о голубом небе? Нет! Нет! Это кончено! Я больше не хочу! Я хочу жизни здоровой, я не хочу тратить силы, чтобы удовлетворять этих женщин, удовлетворять без всякого желанья!

Тогда он обернулся к портрету своего истинного друга, которого он уважал, и который стоял на маленьком комодике из красного дерева, обитого сатином; взял в свои руки портрет, долго смотрел на него, потом поставил на маленький столик, где было разбросано много надушенных карточек, и погрузился в созерцание его.

Потом он с отчаянной храбростью в голосе обратился к нему с такими словами:

– Сегодня еще, моя милая, мы с тобой вдвоем. Мы с тобой только вдвоем. Твоя душа повсюду, она носится везде, она порхает как бабочка вокруг моего лба, как порхают ангелы вокруг детских головок, ангелы-хранители Всемогущего Бога. Ты лучшая. Ты одна добрая. Я у тебя прошу прощения за все огорчения, которые я тебе причинил; я не могу себя поздравить с тем, что избавил тебя от огорчений; это единственный случай, когда мне хочется, чтобы ты плакала. Итак, сегодня совершенно иной день, который будет первым днем моей новой жизни. Я прекращаю мое скотское поведение. Я твой: я не буду рассыпать вокруг себя ложную любовь, я не буду во все окна развеивать мое сердце. Посмотри, моя милая хозяйюшка, что я делаю со всеми этими письмами, из которых лишь некоторые удостоились моего взгляда. Я не помню ни одного слова, я даже не видел ни одной подписи, есть несколько писем, которые я даже не открывал... Ну! Смотри, – я все бросаю в огонь.

Мой хозяин смял в один ком надушенные листки и бросил их в огонь; вспыхнуло сильное яркое пламя, державшееся только одно мгновение и почти тотчас же превратившее все письма в серый и черный пепел, как будто они не хотели даже и теперь смешаться между собой.

Я полагаю, что действуя таким образом, мой хозяин решился на очень храбрый шаг.

Почувствовала ли я себя при этом более счастливой? Скорее нет. Действительно, то, что я увидела и узнала в этом доме, пришлось мне по вкусу и возбуждало во мне любопытство и желание узнать побольше. Я себя с тоской спрашивала, правда ли это, что мы уже не будем после полудня принимать красавиц и у нас не будет больше этих безумных ночей?

Уже давно наступила ночь, а мой хозяин неподвижно сидел на стуле, положив локти на стол и сжав руками голову, сливаясь в темноте с другими предметами.

Вдруг раздался звонок. Мой хозяин с трудом поднялся и тихо прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.